

НЕ ОТРЕКАЮТСЯ ЛЮБЯ

Ирина ЛИТВИНОВА, «Известия»

С исполнительницей главной роли в фильме «Театр» актрисой Вией Артмане мы встретились в ее родном Художественном театре, что находится в центре Риги. Но разговор начался с кино.

— Давно не появлялись на российских экранах премьеры фильмов с участием Вии Артмане, но, судя по прессе после вашей недавней поездки в Кемеровскую область, зритель вас помнит, любит, ждет!

— Я привыкла ездить по стране. Не люблю называть ее — «бывший Советский Союз». Говорю — «по стране». Там меня еще узнают — даже по голосу. После долгой творческой жизни в той стране зрителей в Латвии мне просто мало. В Кемеровской области мы выступали в городе Новокузнецке, где были организованы Дни культуры Латвии. Кстати, этим летом в Ригу на гастроли приезжал Новокузнецкий театр.

В Сибирь я выбралась с трудом, без настроения: дальняя дорога, несколько часов разницы во времени — для меня все это сложно физически. Но не жалею. Русские зрители — удивительные! Я выступала в одной школе, на окраине города Новокузнецка, знаете, я такой раньше не видела: красавая, эстетичная. Восхитили женщины-учителя — приветливые, интеллигентные. Порой мы думаем, что весь цвет жизни собирается только в больших городах, но это ошибка. Люди, которых я повстречала в Сибири, — это ее гордость, ее опора и достоинство.

— Виа Фрицевна, а вы сами горожанка?

— Я человек сельский. Хотя этому образу не соответствую. Даже в театре мне много лет давали играть только изящные, аристократические роли. И в кино то же самое. В картине «Родная кровь» я впервые сыграла простую, «нормальную»

женщину, которая мне очень близка. Сама я из скромной семьи, не побоюсь сказать, из бедной. Мой отец умер, когда ему было девятнадцать лет, — несчастный случай. Он меня даже не видел — я родилась через 4 месяца после его гибели. Мама, совсем молоденка, осталась со мной на руках одна. Бабушка, сестра моего отца, другие родственники выгнали нас с хутора, борясь за имущество: я, по тогдашним законам, должна была стать наследницей. Мама уехала в Ригу, бралась за любую работу, чтобы мы выжили. Я тоже рано стала ей помогать — подпаском.

— Вы почти без акцента говорите по-русски. Сегодня это не очень модно.

— Я от русского языка не отрекаюсь: это глупо, он столько помог — мой связь с друзьями и зрителями. Сейчас готовлюсь к спектаклю на русском языке — специально пишется пьеса.

Почему спектакль на русском? Язык тут ни при чем, и политика — тоже. Если я хочу еще появляться живая перед зрителем, мне нужна аудитория. Не стоит затевать серьезную работу, если я смогу показать 10–15 представлений — а больше в Латвии сейчас не получится. Театр в кризисе — нет зрителя. Сельские жители вообще от театра отстранены: приехать в столицу — слишком дорогое удовольствие. Это раньше полные залы собирались за счет коллективных посещений, когда колхоз давал автобус и к нам ехали из самых отдаленных уголков.

Хочу повезти свой спектакль

и по стране. Я уже говорила, что дома иногда замерзаю, в этих политических условиях и всяких подозрениях, мол, мой поход за славой держался на моей общественной деятельности. Это абсолютная чепуха: играла, как Бог дал. И благодаря той школе, что получила: сначала в родном Художественном театре, потом в кинематографе. Работа с Евгением Матвеевым, с Донатосом Банионисом, другими актерами — это позволяло постоянно приобретать что-то новое. Меня упрекают и за звание народной артистки СССР. Я этой награды не стыжусь: ее мне завоевал зритель, я так считаю.

— Звездой в той стране вы стали после фильма «Родная кровь».

— Несколько месяцев назад в Санкт-Петербурге, где проводились Дни Латвии, я встретилась с режиссером, оператором и художником этого фильма. Все вспомнили. Михаил Иванович Ершов думал, что героиня должна быть прибалтийской женщиной. Многие актрисы за эту роль боролись: она была необычно нежной, таких в то время было немного. Ершов случайно увидел меня в эпизоде в фильме Игоря Таланкина «Вступление»: я играла соседку — латышку в коммунальной квартире. Говорила с акцентом. Ершов решил сохранить в картине мою речь, хотя были предложения ее озвучить на чистом русском языке. Думаю, это была бы глупость: вся прелест в том, что она говорит так, как она говорит. Словом, картина была бы искалечена.

— Были в последние годы предложения от российских студий?

— Нет, никаких. В Латвии кое-какие наметки есть, но ищем деньги, сейчас в них все упирается. Если успею, я еще два фильма, наверно, сделаю. Все, что попало, я играть не на-

мерена. Сил немного, и не хочется их тратить бездумно. А в России мало надежды сниматься, там и своих актрис много, которым тоже не хватает работы. Я свою последнюю картину сделала в России в 1991 году: фильм «Катафалк» — дипломная работа Валерия Тодоровского на Студии имени Горького.

— Читала, что с этой работой был у вас неприятный инцидент: в одном интервью прозвучало, что вы ожидали за свою роль в этой картине получить приз на «Ника», ее вам не дали чути ли не по политическим мотивам.

— В предварительном голосовании по номинациям у меня было преимущество чуть ли не в двадцать голосов. А потом жюри неожиданно приняло решение в пользу другой актрисы, российской. Мне было очень обидно... Образ в «Катафалке» отличался от всего сыгранного, больше мне такой роли просто не понятуть: после съемок я была буквально психически истерзана. Героиня — однокакая женщина, которая в былые времена была супругой какого-то высокопоставленного чиновника, жила среди гранд-дам своего круга. А теперь опустилась, живет с дочерью неполного ума и хочет на конец своих дней выдать ее замуж... В Риге эту картину посмотреть негде, да, думаю, и на российских экранах она мало появлялась. Очень жаль — работа интересная.

— Ситуация, возможно, изменится в лучшую сторону после фестиваля «Балтийская жемчужина», председателем жюри которого вы стали.

— Это фестиваль актерского кино стран Балтийского региона, в том числе ждем много российских артистов. Надо же восстанавливать порывавшиеся культурные связи, хоть по ниточке. Очень помогает в подготовке московская Гильдия артистов ки-

но. Москва единственная, кто пытается наш застой расшевелить. Латвия в этом смысле ма-лонициативна, я думаю, это неудивительно. И это ненадолго.

— Не боитесь критиковать «своих»: обвинят в непатриотизме!

— Я змея по гороскопу, ничего и никого не боюсь. Что обращать внимание на обывательские подходы. Я люблю свою Латвию, и нет для меня ничего дороже ее и, конечно, моей семьи.

— Дети не пошли по вашим стопам?

— Нет, хоть сын мне казался очень одаренным и мог снискать театральные лавры. Он и музыкант, и поэт. Но выбрал другой путь. Сын ведет религиозное братство, имеет диаконию, то есть воспитывает людей, обычно около двадцати человек, которые обожены жизнью — и по своей вине, и по вине общества. Сын реставрировал одну из сельских лютеранских церквей, там вся его жизнь. А дочь закончила прикладное училище. У нее уже было несколько выставок, но художник она очень своеобразный, и ей нелегко будет завоевать свое место под солнцем в эти тяжкие времена. Но, я думаю, она справится. Я горжусь своими детьми. И молю Бога за них и за своих внуков — их у ме-

ня трое, младший родился два месяца назад.

— Сегодня по-разному оценивают «советские» годы Латвии, в том числе и то, что происходило в сфере культуры. Одни оценивают это время как годы подавления латышской культуры, другие — как ее расцвет. А как вы прожите оцениваете?

— Мои сильные годы как раз пришли на советское время, так что в этом смысле я человек «советский». Не надо перегибать палку ни в ту, ни в другую сторону. Если бы Латвия продолжала развиваться естественно и этот процесс не был остановлен предательским пактом Молотова — Риббентропа, то искусство достигло бы больших вершин. Но об этом остается только предполагать. Что касается реальности: Латвия имела в сфере культуры широкое поле деятельности в советское время, несмотря на цензуру. Латышских художников ведь знали по всей стране. Долго такого придется ждать. То же — и с писателями, режиссерами, музыкантами. Мне говорят: есть Америка, Европа. Кому мы там нужны? Даже в недалекой Дании спрашивают: а где это, Латвия?

Фото Алексея Белянчева.